

Аркадий Безрозум

ВОЛОДАРКА

...33 года моего сотрудничества.

2026 г. обновленная редакция

Аркадий Безрозум

**Володарка 33 лет сотрудничества.
Новая редакция 2026**

«Автор»

2026

Безрозум А.

Володарка 33 лет сотрудничества. Новая редакция 2026 /

А. Безрозум — «Автор», 2026

Володаркой называют одну из крупных фабрик Винницы. И здесь своей яркой историей гордится каждое поколение. Мне захотелось подробней рассказать об ее послевоенных сотрудниках, потому что с ними более 30 лет находился в одной упряжке и я.

© Безрозум А., 2026

© Автор, 2026

Аркадий Безрозум

Володарка 33 лет сотрудничества.

Новая редакция 2026

Володарка. 33 года моего сотрудничества

Беэр-Шева, обновленная редакция 2026 г

Глава 1. Предисловие Петра Скорука

Начну с просьбы вашего снисхождения к моим способностям изложения материала. Теоретические знания этой профессии я обретал лишь в аудиториях университета народной журналистики. Местом практического применения являлась фабричная еженедельная радиогазета. Поэтому главное видится в реальности излагаемых фактов. Мне остается добавить, что учусь всю жизнь, и я больше всего остерегаюсь людей, которые заявляют, что все знают. Поэтому я не отношу себя к людям твердых убеждений и продолжаю колебаться между консерваторами и либералами. О сказанном вчера я могу подумать совершенно иначе, если найдется человек, который противопоставит мне более убедительную логику.

Переубеждайте и вы! Убеждайте! Читайте книгу о Володарке!

Приступить к ее формированию меня убедил Петр Скорук (светлой памяти). Писатель, к делам и творчеству которого я отношусь с большим уважением, пообещал взять на себя все виды редакции. На деле обещание свелось лишь к его просторному предисловию на мови, которое включало даже поэтические строки. За такую оценку спасибо, но все остальное мне в спешке довелось наверстывать самому. Что ж, принимайте то, что получилось.

ВІННИЦЬКИЙ АРКАДІЙ «ВОЛОДАРСЬКИЙ»

Підсумки життя можна, і навіть корисно, іноді підводити. Наприклад, в кінці року, що минає час. Тобто кожен день. Але при цьому жити одночасно тут і зараз.

Цей світ простий і прямий. Але простота - для геніїв, а прямота викладу - те, чого не знає і не вміє посередність. Це не скажеш про автора. Я майже впевнений, що Аркадій Безрозум - професіонал-ремонтник, письменник-неоромантик з великої вінницької дороги. Письменник, поет, художник, - розширення серця. Він пише, знає, сумує за Володаркою. Але їх було багато, враження були різноманітні, не вміщалися в розмови, в стихійні повернення. Вони випадають в книгу. У справжню, щирі.

Але ніхто, крім автора, не знає справжньої вартості написаного. Ціни своєї книги. Вона є невід'ємною складовою частиною його (і мого) життя.

Аркадій Безрозум каже, що Володарка не однозначна, як про неї прийнято думати, що Володарка це те, що ми не споглядаємо, а творимо. І те, що створить кожен з цим гнучким, податливим і серйозним, як життя і смерть, матеріалом йде в скарбничку загального творіння вчорашньої і майбутньої Володарки.

Володарка взагалі завжди приходять уві сні, навіть якщо наяву. Тому що вона з'являється нізвідки, не в піджаку, не з кошиком, а як сон. При цьому вона може бути реалістичною, сюрреалістичною або взагалі безпредметною. Головне, що їх складають - фабрика-ательє, директори-академіки, швей-феї, ремонтники-машиністи, енергетики життя, фундаментальщики майбутнього, вінницький складач книг Аркадій Безрозум «Володарський» і могиливічанка директор-академік Любов Костенко.

Кожне слово, окрема стрічка чи вірш наскрізь просякнуті часом. За поверхнею повсякденності він намагається відрізнити, вгадати те, заховане, що вдається побачити тільки людині, чие головне завдання в світі – пошук добра, істини, краси.

Під час появи виникало пекуче бажання: з того, що було, є і буде, виписати реальність, якої, можливо, і не було, але яка народжується в уяві читача або хоча б самого автора. Але він - звичайна людина, часом навіть не знає і себе. А що говорити про реально діючих 33 роки тому тих персонажів?

ВОЛОДАРКА

Забув я, Володарко! Пам'ятаєш, моя стрічка
гірчить і по життю та стрічка небарвіста,
вона все ж без побоювань летить на світло,
допоки у душі моїй горить ще свічка.
Пишу-старцюю, Володарко, на однім коліні,
й душа моя смиренна у молитві каже:
прости гріхи й помилки мимовільні,
бо втрачено людську вже мою слабкість!
Я не писав й не дописав про Володарку,
бо думи ранять, як отруту, ніби стріли,
бо злоба, заздрість й сумніви вже марні.
За гордість, суєту, неробство і безвір'я, -
ми - одноногі юридичні таксер-міксер. *
За слабкість волі, страх, невід мовчання,
Пробач, Володар Володарко! У молитві руки
я підійму за гріх, за пекло і брехання, -
утіш, подай і захисти мого вірша від муки!
Мені це не важливо, добре чи погано,
тримаюся за стрічку і готовий все віддати.
І не тому, що з нею легко так літати,
бо з Володаркою мені вже падати не страшно!
* - юристи - я і Зіновій Маркович Таксер.

Ми народжуємось в різних місцях, живемо в різних містах, йдемо до дружби і любові різними стежками. Кожному – своє. Лиш відчуття надбань і втрат у всіх мало відрізняється одне від одного. Ми народжуємось, а доля вже чатує за рогом. Ніхто не відає, куди вона його виведе і за який бік вхопить. Але ж і не тягне на мотузці, а дає кожному шанс. Аркадій Безрозум, автор цієї книжки, цим скористався. Вона – ще одна вершина, черговий етап. І в той же час – первісток. Тепер діло за вами. Скористайтесь своїм шансом. Розгорніть її і насолоджуйтесь барвами.

Бажаю тобі, Аркадій, щасливого натхнення! Навіть у самих достатніх людей немає всього кращого. Але вони дістають все найкраще з того, що мають. Щастя не в тому, щоб мати, що хочеш. Щастя в тому, щоб бажати те, що в тебе є. А ти маєш багато.

Життя завжди прекрасне. Навіть тоді, коли воно жахливе! А ще воно дуже коротке. Тому порушуй дурні правила, прощай не озираючись, цілуй смачно, кохай відверто, смійся від душі. І ніколи не жалкуй за тим, що тебе колись засмучувало!

Петро Скорук

Письменник, журналіст, публіцист, волонтер

Глава 2. Предисловие автора

Эти страницы отражают, главным образом, мой взгляд на историю винницкой швейной фабрики имени Володарского в 1957–1990 годах — в период моей работы в коллективе. С расформированием совнархозов в 1965 году фабрика стала головным предприятием производственного объединения швейных фабрик области. В тот период оно и расширялось, и сокращалось — подробности далее.

В изложении этих событий с высоты 2021 года принимают участие некоторые участники фейсбук-группы «Винничину не забываем». В связи с пандемией COVID-19 существенно расширился формат общения тех, кто проживает в разных городах и странах. Возобновились связи с коллегами. У каждого из них свой взгляд, своя история. Совместные воспоминания очевидцев расширяли круг событий и содействовали более точному отражению реальности.

Моих воспоминаний больше потому, что я был и очевидцем, и участником, и инициатором самых значимых событий. Именно с этой позиции мне захотелось напомнить незаслуженно забытые в многочисленных устных и печатных историях имена сотрудников, представлявших самый яркий актив моего времени. Среди них — главные бухгалтеры Леонид Петрович Бойко и Наум Григорьевич Будкер, главные механики Николай Вячеславович Ботвиновский и Николай Яковлевич Мельник, главные энергетики Ефим Матвеевич Янкивер и Григорий Семенович Кириленко, слесарь Михаил Иванович Куц, наладчик Иосиф Денисович Слоневский и многие другие.

Предлагаемые далее публикации о них соответствуют порядку их размещения в группе, поэтому хронологическая последовательность может быть нарушена.

Глава 3 Немного о себе для тех, с кем не знаком

Разумеется, сторонний отзыв в таком контексте всегда звучит убедительнее собственных слов. С него, пожалуй, и начну.

В начале двухтысячных «Володарка» была уже приватизирована. Свое успешное пере рождение с выходом на международный рынок она прошла под руководством талантливого руководителя — Леонида Тарасовича Гавриша. Работать под его началом мне не пришлось, но мы прекрасно знали друг друга на протяжении десятилетий.

В 2014 году бывшие сотрудники прислали мне из Винницы изданную к 90-летию предприятия историю «Володарки». Подарок подписал сам Гавриш. Фотография его короткой, но емкой надписи на заглавной странице книги станет отличным дополнением к тому, о чем писал Скорук.

Это перевод рукописного текста на печатный: «Вельмишановному Аркадію Мойсейовичу в знак поваги як високому професіоналу в галузі легкої та текстильної промисловості від колективу ПАТ «Володарка» та голови спостережної ради Л. Т. Гавриша. 04.12.2014»

Перевод: «Глубокоуважаемому Аркадию Моисеевичу в знак уважения как высокому профессионалу в области легкой и текстильной промышленности от коллектива ПАО «Володарка» и председателя наблюдательного совета Л. Т. Гавриша. 04.12.2014»

Характерных деталей в той надписи, конечно, быть не может, поэтому дополню их сам — включая 46 лет трудового стажа «на зарплате». Впрочем, предпочтение я всегда отдавал не цифрам в трудовой книжке, а реальным показателям эффективности. 10 из этих 46 лет при-

ходятся на Израиль. Здесь мне тоже довелось работать в коллективе с мировой известностью, но уже в роли обычного рабочего.

Многого ли я добился за годы жизни там и здесь? В Виннице — и многого, и малого. Многого — потому что там я окончил институт, обзавелся семьей и друзьями, работал бок о бок с асами своего дела в солидных по тем временам организациях.

А скромность моих результатов лучше всего иллюстрирует поговорка: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Я ведь действительно к этому не стремился, потому и не дорос до кресла директора предприятия, не стал кандидатом или доктором наук.

Можно было бы, конечно, поскулить с умным видом: дескать, зажимали, не давали хода... Но, если быть честным перед собой, причина прежде всего в недостатке собственного рвения и амбиций. Да и не могут абсолютно все становиться генералами. Если же продолжить армейские аналогии, свою наивысшую гражданскую должность я бы приравнял к званию подполковника или полковника.

Перед отъездом в Израиль в начале 1990 года я работал главным механиком производственного швейного объединения (ПШО) им. Володарского. На этой должности я пробыл более двух десятков лет и отвечал за капитальное строительство, а также ремонт оборудования и зданий фабрик объединения. На балансе предприятий находились ведомственное жилье, общежития, детские сады и единый для всех пионерский лагерь.

Чтобы руководство не сомневалось в надежности доверенного мне участка, коллективу под моим началом приходилось крутиться белкой в колесе. 20 лет работы в этой должности без единого административного взыскания говорят сами за себя — и это в условиях хронического тотального дефицита!

Меня часто критиковали — и не без оснований, ведь удовлетворить все запросы в тех жестких условиях было просто невозможно. За время моей работы в объединении сменились четыре директора и пять генеральных директоров. И только Леонид Израилевич Гендельман оставался бессменным главным инженером (1950–1992). Под его началом находились технология производства одежды и экономическая сторона дела. Служба главного механика, со своей стороны, создавала для этого все необходимые условия. Мой же общий стаж на предприятии составил 33 года (1957–1990).

Как правило, каждый новый руководитель приводил с собой новую команду. И всякий раз планировалась замена в том числе и на моей должности. Но каждый раз спасало прямо-таки необъяснимое чудо — хотя за этим «чудом» стоял огромный труд. В итоге абсолютно все руководители в конечном счете выражали мне полное доверие.

На фотографиях — руководители, под непосредственным началом которых я работал (на снимке я — шестой слева направо): Евдокия Ивановна Пустовит (1958–1965) — директор фабрики; Константин Васильевич Лисица — основатель объединения — ПШО (1965–1972); Любовь Марковна Костенко — инициатор самой масштабной реконструкции здания «Володарки» (1972–1986); Николай Григорьевич Снисарь (1986–1989) — руководил ПШО до выдвижения в руководство Винницкой области; Леонид Израилевич Гендельман — главный инженер.

Поставленные руководством задачи я выполнял в единой упряжке с большим коллективом ремонтников. На мой взгляд, это была особая категория специалистов — хотя бы потому,

что они регулярно обновляли знания на курсах и подтверждали свой профессиональный уровень на экзаменах. Мне и самому приходилось постоянно учиться, черпая опыт и знания в том числе из деловых контактов с ведущими специалистами научных и проектных организаций.

На трибунах конференций и совещаний мне доводилось видеть министров союзного и республиканского уровней. Но главный источник профессиональной и житейской мудрости я всегда находил в общении с простыми людьми, которые окружали меня в быту и на работе. Память об итогах нашего общего труда бережно хранится и в этих снимках:

1.«Володарка» до реконструкции. 2. Управленцы ПШО и ветераны предприятия в день 50-летия «Володарки» (1973 г.). В центре — генеральный директор К. В. Лисица рядом с секретарем партбюро Тамарой Захарчук. Сменившая Лисицу на посту директора Л. М. Костенко — во верхнем ряду, вторая слева.

Я уехал в Израиль в начале 1990 года — под настойчивым давлением детей, а также из-за резкого всплеска бытового антисемитизма и нараставших угроз со стороны местной мафии. В те годы вместе с гласностью всё это разом хлынуло и на страницы прессы, и на улицы города. Что ж, полагаю, первое представление об авторе у вас теперь сложилось.

Глава 4. Совместное написание истории

Дальше разговор пойдет о моих сотрудниках и одновременно друзьях. Начну с рассказа о Николае Вячеславовиче Ботвиновском — и не случайно. Заношу и его имя на виртуальную доску почета и памяти группы. Никто не забыт, ничто не забыто. Его портретом придется обойтись словесным, потому что Ботвиновский фотографироваться не любил, да и фотоаппарат был тогда явлением редким из-за сложности самого процесса.

Избранной мною миссии я верен не первый год. Письмо широко использовал со школьной скамьи в стенной, а далее совершенствовался в радиогазете. Позднее мне очень пригодились знания, накопленные в аудиториях Университета народной журналистики и в общении с моим школьным учителем Евгением Ефимовичем Мельником. Мне и здесь остается повторить: я учусь всю жизнь и остерегаюсь людей, которые заявляют, что знают всё.

Притом неизменной остается моя позиция в одном: резкое социальное неравенство и разгул национализма чреваты опасными, непредсказуемыми взрывами в обществе. А вот и пример подключения к совместному написанию истории.

В минувшую субботу к работе присоединились не только ветераны группы, но и новички. В их числе — Петр Скорук: писатель, поэт, журналист, публицист, автор десятков книг, лауреат Всеукраинской литературной премии им. М. Коцюбинского. Книги писателя читают не только в Украине. С некоторыми его публикациями я познакомился в Фейсбуке. Немаловажна его прямая причастность и к этой книге, что доказывает присутствие его подписи под ее представлением в самом начале. Оказалось, что и с Петром мы коллеги по «Володарке»! На каком-то этапе он работал в юридическом отделе объединения под руководством Зиновия Марковича Таксера. О коллективе швейников у Скорука тоже осталось немало приятных воспоминаний.

Принимая во внимание громко прозвучавшую в группе немировскую тему, я предполагал, что и тема «Володарки» вызовет у участников оживленный интерес, но настолько активного начала не ожидал. Впрочем, почему бы и нет? Взрастившая меня благодатная земля Подолья больше всего славилась смышленными людьми и невообразимой красотой природы.

Только не подумайте, что в дальнейшем вас ждут рассказы лишь о гениях и о рае. Наоборот, разговор я намерен сосредоточить на людях, в которых, как водится, уживаются не только достоинства, и на земле, которой свойственны и годы изобилия, и засуха, и смуты.

О своих колебаниях во взглядах я уже упоминал. Да, я принадлежал к тем, кто и сомневался, и верил Никите Хрущеву, обещавшему, что наше поколение будет жить при коммунизме. Стадия полного разочарования советским образом жизни началась лишь с приходом горбачевской перестройки. А в начале 1990 года (за шесть лет до выхода на пенсию) мне пришлось покинуть все нажитое и начинать жизнь с нуля — с голого матраса и табуретки. Мало того, в таком же положении оказались мои дети, которым я планировал помочь не словами, а делом в важный период их становления.

Но на что я был способен с пустым кошельком и практически нулевым счетом в банке? Такое состояние повергало в невероятно тяжелый стресс. Вот когда я был зол до предела на всех, кто привел меня в это «никуда» пустыми обещаниями и фактически ограбил в конце пути! Потребовать вернуть нажитое не мог не только я один. Некий способ возмездия и борьбы

за справедливость я увидел в том, чтобы условно «указать пальцем на воров» тем, кто снова мог поддаться на уговоры.

И моя папка с пометками на бумажных листах стала пополняться изо дня в день. В разгаре гнева я не жалел красок, тем более что в Израиле у меня уже появилось достаточно фактов для сравнения с новым образом жизни. Врать не врал, но гиперболизировал и широко применял сарказм в своих собирательных литературных образах. До уровня маститого писателя я не дорос, и, возможно поэтому рукописи не сжег: решил оставить их в качестве свидетельства очевидца.

Лишь по истечении трех-четырех лет у меня всё утряслось на новом месте, что стоило невероятных усилий. Глядя на возрожденную жизнь, я пришел к выводу, что не достиг бы этого без знаний и опыта, которыми со мной щедро делились винничане — часть которых я высмеял, не беря в расчет, что они пострадали точно так же.

Но ведь написанного пером не вырубешь топором, да и сам я участвовал в том «цирке на дроте». Такими были обстоятельства той жизни, так и в том, что она не бывает безупречной, я тоже убедился на склоне лет. Поэтому в своей обновляемой истории я хочу вернуть заслуженное уважение людям, с которыми находился в одной упряжке.

Глава 5. Ремонтная служба

Во все времена и на «Володарке» ремонтная служба являлась важным узлом большого, четко работавшего часового механизма. Притом ее продукция пользовалась устойчивым авторитетом у покупателей. Можно было бы объяснить это отсутствием выбора, но и в таких условиях люди умели отличать ноский товар от явного брака.

Ремонтная служба фабрики состояла из наладчиков машин, электриков, слесарей, станочников, столяров и работников прочих профессий. Я начинал здесь работу в качестве инженера-конструктора ОГМ, поэтому с механическими мастерскими была связана немалая часть моего рабочего времени.

В 1957 году они занимали правую половину небольшого одноэтажного здания в центре двора и состояли из двух частей — станочной и слесарной. В первом зале дальний левый угол занимали каптерка Ботвиновского и Петровой. Ее небольшая кладовка находилась рядом: там на стеллажах хранились в пронумерованных коробках резцы, сверла, точильные камни и те запасные детали для швейного оборудования, которые изготавливали рабочие мастерских.

Техник Петрова вела учет поступавших из цехов заявок и записывала время, затраченное на их выполнение. Ее «перепроверяли» нормировщицы из отдела труда и зарплаты (ОТЗ). А его начальник, Моисей Абрамович Айбиндер, порой возвращал Ботвиновскому на исправление наряды, в которых проставленное время, с его точки зрения, «не соответствовало определенному параграфу нормативов». Это нервировало главного механика, потому что в подобных действиях он усматривал, образно говоря, выпендреж. Ботвиновский не сомневался, что обычно в ОТЗ ему подписывают все подряд.

Чтобы доказать это, однажды в конце месяца Ботвиновский сам принес начальнику ОТЗ стопку нарядов. В одном из них, по рассказу шутника, было написано: «обрезка концов с окантовкой Айбиндера». И тот действительно утвердил такой наряд, чем дал главному механику повод для многолетних насмешек.

Ходили слухи, что и начальник ОТЗ не оставался в долгу. Однажды у Ботвиновского настолько забарахлил трофейный мотоцикл «Харлей», что ему на время капремонта пришлось купить новенький мопед. В обеденный перерыв это чудо техники окружила толпа служащих. Многие просили Ботвиновского дать прокатиться по двору, но он разрешил только Айбиндеру, своему 50-летнему сверстнику. Начальник ОТЗ сделал всего небольшой круг, но, пытаясь остановить одичавшую машину, врезался в штабель досок. Сам Айбиндер отделался незначительными ушибами, а вот переднее колесо мопеда превратил в эллипс, а также погнул вилку и руль. Я при этом присутствовал, но отрицаю, что это было сделано в отместку — Моисей

Абрамович на такое был попросту не способен. В этом был уверен и Ботвиновский, знавший, что никакой вражды между ними нет.

Своеобразной была и рабочая обстановка в самих механических мастерских. Здесь все хорошо знали друг друга, потому что сообща работали годами. Зарплаты были маленькими, но текучка кадров отсутствовала — найти другую работу было трудно. В результате введенной Ботвиновским специализации каждый работник отлично знал свое дело, профиль которого базировался на сугубо местных условиях.

Так, из-за неточного в то время кроя в мастерских было налажено массовое производство ножниц из рессорной стали. Этим были заняты кузнец пенсионного возраста дядя Фройке, слесарь Алексей Олейник и сварщик Михаил Поляков. Ножницы, производимые на государственных заводах, пошивочные цеха не устраивали: они были неудобными и из-за частых заточек изнашивались уже на четвертый-пятый день. Изделия же собственного изготовления, сделанные из рессорной стали, служили намного дольше.

За слесарями Владимиром Немцевым, Анатолием Липехиным, Йосэфом Янсенем, Михаилом Кушом и Николаем Степаненко было закреплено изготовление определенных быстроизнашиваемых деталей швейных машин. Для производства некоторых из них приходилось использовать по несколько сложных кондукторов. А вот их умели делать только асы, к числу которых принадлежали, токарь Павел Милихедин (после выхода на пенсию его сменил Юрий Парфенюк), а также слесари Куш и Степаненко.

Среди электрослесарей своим умением выделялся Нута Ортенберг — многие сотрудники видели в нем местного Кулибина. Именно ему доверяли устройство мигающей иллюминации на фасаде главного корпуса в дни праздников. А в цехах он обеспечивал электропитание станков с элементами автоматики в управлении.

В изготовлении нестандартного оборудования и приспособлений малой механизации участвовали все. В этом «сыгранном оркестре» никого не оценивали по национальности — одного от другого отличали только по уровню профессионального мастерства.

Глава 6. Редкое для ремонтников увольнение

И все же в мастерской состоялось первое увольнение. Это был слесарь по имени Йосэф. Его фамилии я не запомнил, поэтому присвоил ему типичную для голландцев фамилию Янсен — кем он, собственно, и являлся. К слову, мне пришлось поступить так же еще в нескольких случаях и по той же причине.

Йосэф увольнялся в первой половине 1960-х. Было ему тогда лет сорок: плотно сколоченный мужчина среднего роста, с широким подбородком, высокими скулами и тяжелым иностранным акцентом.

В Винницу Йосэф приехал в 1945 году из Германии. Туда из Амстердама его насильно отправили немецкие оккупанты на принудительные работы. В одном из трудовых лагерей он полюбил украинскую девушку из Винницы с такой же ломаной судьбой. Туда, по ее настоянию, молодая пара и отправилась, когда из места каторги их освободили советские войска.

В Виннице им сразу предоставили работу на «Володарке». Сначала вместе с другими швейниками они восстанавливали производственный корпус: после поджога бежавшими гитлеровцами от него остались одни стены. В годы оккупации фабрика работала на нужды захватчиков, и в ее пошивочных цехах трудилось немало моих коллег той поры. Были среди них и те, кого постигла участь Йосэфа и его жены. Впрочем, их разговоров на эту тему я никогда не слышал: не знаю кем, но на нее был наложен строгий запрет — табу.

А вот в последние дни работы Йосэфа на «Володарке» люди вокруг него собирались десятками. Им голландец неторопливо разъяснял, что его одинокому старенькому отцу уже не под силу ремонт велосипедов в собственной небольшой мастерской-магазине. Да и сам он соскучился по родительскому дому — пусть там и не накопили миллионы гульденов, зато всем будет тепло и сытно, как в его довоенной молодости.

О сытых временах Йосэф говорил не случайно. В СССР в тот период Никита Хрущев не переставал бахвалиться достижениями страны Советов в космосе, а у хлебных магазинов выстраивались километровые очереди за буханкой из кукурузной муки. В цехах фабрики рабочим выдавали по килограмму крупы, вермишели и сахара на месяц. Полки магазинов пустели, и в стране уже собирались вводить карточную систему.

Глава 7. Николай Вячеславович Ботвиновский — главный механик фабрики

Как уже отмечалось, он был первым из работников швейной фабрики имени Володарского, с которым я познакомился по протекции своей тётушки Берты в 1957 году. Сама она была домохозяйкой, так как ухаживала за тяжелобольной мамой. Представила меня Ботвиновскому её соученица по университету — юрист фабрики Валентина Андреевна Шкурко. С запиской Ботвиновского я уехал на Вороновицкую швейную фабрику, где возглавил службу ремонта.

В то время я не раз приезжал к Николаю Вячеславовичу с эскизами деталей и узлов для моих поделок, предназначенных для облегчения труда рабочих на пошиве одежды и ремонте машин (привычку к творчеству мне привили ещё на московской учебной скамье). Однажды, когда в механических мастерских «Володарки» мои поделки изготавливали станочники второй смены, мне пришлось задержаться, а Ботвиновский предложил сыграть партию в шахматы.

В следующий такой вечер мы пропустили время отхода моего последнего автобуса. Был поздний час, и мой попечитель отвёз меня в Вороновицу в коляске своего мотоцикла. Это был не единственный случай. Я и в этом обнаружил приятную предрасположенность к себе человека, с которым был совсем мало знаком. На хороших людей мне везло, а Ботвиновский по истечении полугода даже предложил мне перейти на работу к нему на «Володарку».

Здесь, с окладом старшего инженера, мне предстояло заниматься только творчеством — теперь уже в интересах более крупного и солидного предприятия. Ботвиновский и на этапе приёма заботливо опекал меня. Он договорился с пожилой соседкой, что она поселит меня в одной из двух комнаток с пропиской. Без штампа винницкой прописки в паспорте начальник отдела кадров фабрики не собиралась со мной даже разговаривать. Чтобы не терять время, Ботвиновский поехал со мной на своём трофейном «Харлее» в паспортный стол.

Хочу подчеркнуть, что в тех обстоятельствах во всём этом не было и намёка на какой бы то ни было конверт с деньгами, как водилось. Все люди вокруг жили весьма скромно, немного лучше других — только владельцы огородов. Я вообще был гол как сокол. Так как я снимал в Вороновице жильё с питанием, от моей маленькой зарплаты почти ничего не оставалось. Вы можете мне верить или не верить, но взятку я и в будущем не брал и не давал — за исключением одного случая.

Я открою и этот секрет. К сожалению, план Ботвиновского по съёму квартиры не сработал. В паспортном столе нам вернули документы из-за отсутствия должного норматива площади — 16 квадратных метров на одного жильца. Затяжное для меня важное дело оказалось под угрозой, и я снова отправился за помощью к моим тётушкам. На этот раз меня вывела на нужного человека старшая из сестёр, Женья.

Он ожидал меня у паспортного стола с домовой книгой на следующее утро. Немолодой, но крепко сбитый мужчина-еврей попросил у меня 20 рублей (тогда — четверть моей зарплаты) и положил их в книгу заодно с моим паспортом. Всё это он подал в окошко служащей через головы людей, громко обратившись к ней по имени.

Спустя пять минут мы вышли на улицу со штемпелем прописки в паспорте. На следующий день я приступил к работе в новом коллективе. Мои рабочие дни теперь начинались с доклада Николаю Вячеславовичу о выполнении полученных от него заданий. Лучше всего он воспринимал показ готовых поделок в действии, а они усложнялись раз от раза. Не помню,

чтобы я когда-то видел своего начальника возмущённым или радующимся: лицо его почти не меняло выражения.

Соответственно его распоряжениям, я приходил на фабрику и по ночам, и в те выходные дни, когда там под его руководством проводились профилактические ремонтные работы. Вместе с Ботвиновским я присутствовал на расстановке людей. Затем мы отправлялись в его конторку и молча садились за шахматную доску. Несколько раз мы прерывали игру, и я ходил посмотреть, что делается на местах. Тишину лишь изредка прерывала какая-нибудь короткая фраза.

Своеобразная привязанность Ботвиновского к фабрике не могла не удивлять. Возможно, она была связана с часто возникавшими у него почечными коликами, как считала его помощница Шура. А я и мой начальник разговоров личного характера вообще никогда не вели. Скорее всего, поэтому я даже не подумал, что должен пригласить его на свадьбу, когда женился на Майе.

А Николай Вячеславович продолжал вызывать меня в нерабочие часы и мог сделать это по телефону даже среди ночи. Первое и, пожалуй, последнее посвящение меня в его личную жизнь произошло у нового Киевского моста, когда мы возвращались с первомайской демонстрации. Тогда совершенно неожиданно он пригласил меня к себе «ненадолго» — просто взглянуть, где и как живёт.

Его небольшой кирпичный дом стоял почти на берегу реки. Симпатичная, тоже немногословная жена Ботвиновского представилась Соней. На столе маленькой гостиной тут же появилась бутылка водки, горячая утка, запечённая в яблоках, разные соленья и зелёный лук с грядки. Мог ли я отказаться от гостеприимства такого начальника, хотя и знал, что дома меня ожидали за праздничным столом Майя и её родители?

С водкой я не дружил, и Ботвиновскому снова пришлось довезти меня до подъезда моего дома на мотоцикле и, потому что ноги меня не держали. Описывать осудительные взгляды тестя и тёщи не буду.

Следующий пример необычного отношения ко мне начальника был связан с групповым выездом ремонтников на рыбалку с ночёвкой. В этот раз Николай Вячеславович лично помогал мне превратить бамбуковые палки, которые я купил в магазине, в складные удочки. Утром следующего дня он посадил меня в свою надувную лодку, чем причинил себе немало неудобств. Я же не мог нарадоваться наловленному впервые в жизни полному садку рыбы.

После этого между нами пробежала чёрная кошка, по причине, которую серьёзной не назовешь. В Виннице тогда появилась футбольная команда «Локомотив». Её парни играли красиво и результативно. Трибуны стадиона на 10 тысяч мест горожане заполняли до отказа. Активными болельщиками стали директор, главный инженер «Володарки» и немало других мужчин из аппарата управления. Разумеется, и я заказывал билеты на самые острые игры.

У Ботвиновского футбол положительных эмоций не вызывал. Более того, минут за десять до конца работы, перед моим выходом на один из матчей, он пришёл в мою комнату и попросил помочь ему найти в кладовой одну из машин. Скоба её наружного замка щёлкнула по ту сторону двери, как только я отправился в дальний угол на поиски. В запертой кладовой мне пришлось просидеть весь первый тайм.

— На кой черт тебе этот футбол? — услышал я, когда дверь открылась. — Шахматы уже расставлены на столе.

То был первый случай, когда я даже не ответил Ботвиновскому. Через пару недель он пришёл ко мне тоже минут за десять до выхода на игру, задал какой-то вопрос для проформы и исчез. В этот раз он незаметно закрыл дверь кабинета, где я всё ещё сидел за чертёжным кульманом. Игра предстояла настолько захватывающая, что я стал метаться по кабинету, как зверь в ловушке. Так как комната находилась на первом этаже, меня осенила мысль выбраться

через окно. Прыжок с двухметровой высоты труда не составил, но Ботвиновский принял во внимание и эту возможность: там меня уже ожидал начальник охраны Коцупей.

Невысокого роста однорукого инвалида войны в солдатской гимнастёрке и сапогах многие почитали и звали просто дядей Ваней. Женщины шутили, что и одной рукой он не раз забирался девчатам в трусы, когда они уходили домой через проходную под пронизывающими взглядами охранника и его начальника. Для этого Коцупей определял «подозрительную швею» и металлическим голосом предлагал ей зайти в комнатку дознания неподалёку.

На этот раз в ней оказался я. С каменным выражением лица Коцупей уселся на табуретку у письменного столика. Одной рукой он долго открывал стоявший на нём сейф, затем достал папку, развязал её и стал заполнять форму акта с бесконечным количеством вопросов. А я снова пропустил первый тайм и пришёл на стадион почти к концу второй половины игры. Тогда же я узнал, что подобные розыгрыши Николая Вячеславовича давно являлись его излюбленной манерой. Другим людям он умудрялся устраивать ещё более яркие «фейерверки».

Мои испытания вскоре завершились. Я связываю это с тем, что меня назначили начальником конструкторского бюро, которое обслуживало потребности фабрик управления лёгкой промышленности Совнархоза. А затем, после окончания института, я ушёл на подшипниковый завод. Спустя немногим более года я вернулся, и Ботвиновский стал моим заместителем по главному предприятию.

Теперь оно являлось базой недавно созданного производственного швейного объединения (ПШО), вместо управления совнархоза. В моем подчинении оказался и Коцупей — как ответственный за пожарную безопасность. Наши новые отношения я могу назвать только безупречными, хотя мне и пришлось усилить требовательность соответственно новой обстановке.

В то самое время меня избрали (вернее, назначили) председателем Областного правления научно-технического общества лёгкой промышленности. Восемь лет добросовестного исполнения этой оригинальной общественной должности существенно расширили мой кругозор. В числе людей, с которыми мне довелось встречаться на всесоюзных конференциях и пленумах в качестве коллег, оказались директора и главные инженеры фабрик и НИИ. Перед нами выступали в качестве докладчиков министры, управляющие главками и их заместители.

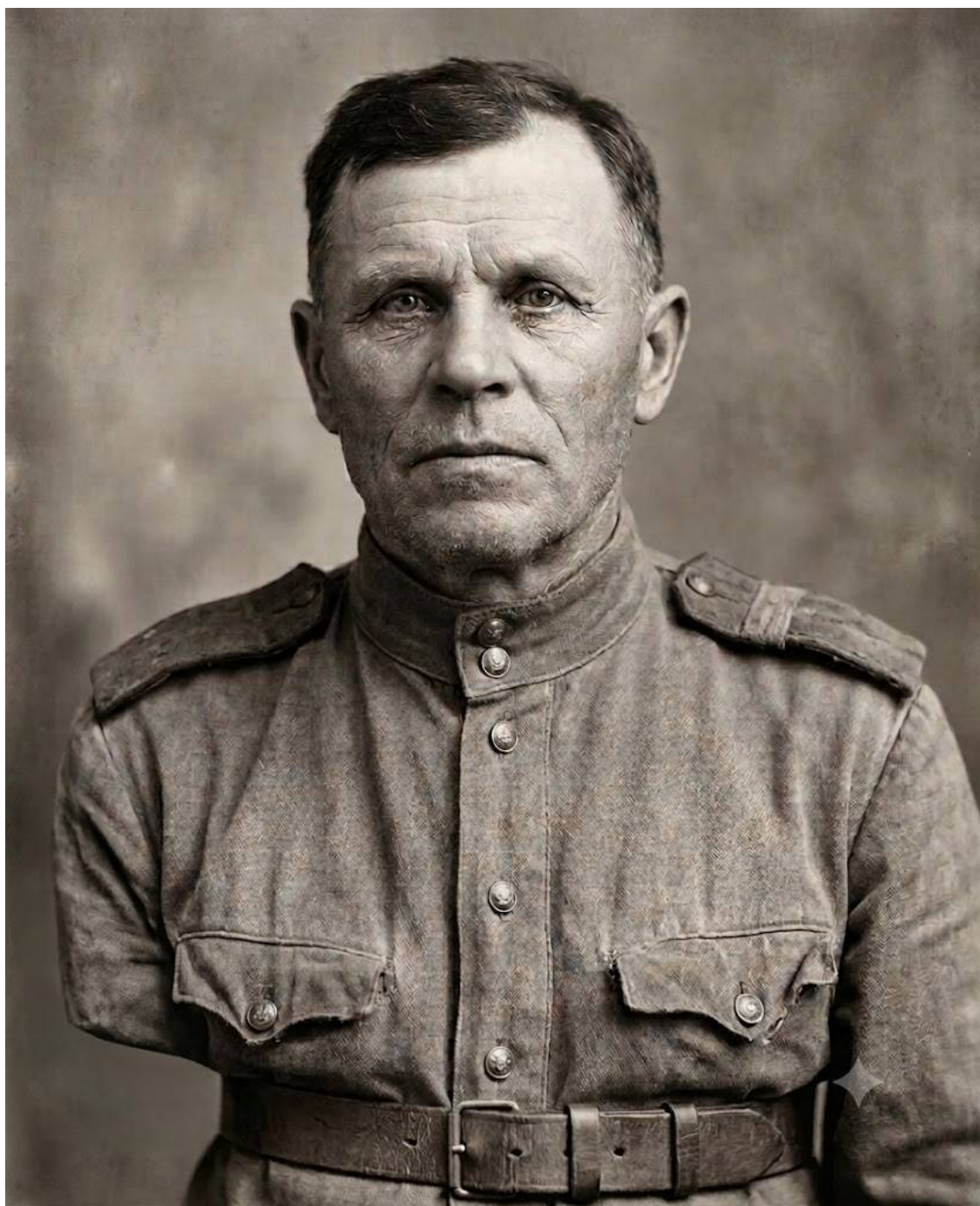
Вернувшись, я знакомил с их наставлениями местный актив, включая руководство кожгалантерейных, обувных, трикотажных и швейных фабрик области. Я и сегодня хорошо помню учёного секретаря Тульчинской фабрики Тамару. Толковая и симпатичная выпускница Киевского института лёгкой промышленности однажды не без чувства гордости рассказала мне, что приходится дочерью Николаю Вячеславовичу от его первого брака.

От неё же я немного позднее узнал, что его сын от второго брака тоже получил высшее образование и успешно работал строителем в Киеве. Жена Ботвиновского Соня работала бухгалтером в цехе подготовки сырья. Они вдвоём благополучно доработали до пенсии. О самом Николае Вячеславовиче и его прекрасной семье у меня навсегда остались наилучшие впечатления. Между тем и о нём мне рассказывали немало хорошего и плохого. Впрочем, вряд ли кто-либо из нас претендует на включение в списки святых.

Глава 8 Иван Коцупей — начальник охраны и пожарного депо

С ним с первых дней моей работы на фабрике мне приходилось встречаться часто. Пожарное депо, как его все называли, располагалось в одноэтажном здании аккуратно между механической мастерской и кузницей.

Ивану Федосеевичу было тогда всего-то лет сорок, но, когда я впервые его увидел, он показался мне изрядно потертым жизнью дядькой. Однако его напористость и непоседливость вскоре рассеяли это впечатление. Я бы даже представил вам его эдаким крепышом невысокого роста — в сапогах и застиранной до потери первоначального цвета гимнастёрке, — если бы не одна исключительно характерная деталь. Один рукав той гимнастёрки был пустым и аккуратно заправленным под ремень на поясе.

Его снимок мне почти точно удалось восстановить посредством ИИ Gemini. Реально он представлен на групповом фото в главе «Немного о себе для тех, с кем не знаком» - третий во втором ряду, справа налево глядя.

И это тоже было страшным эхом войны. С ее окончания минуло двенадцать лет, когда я впервые увидел Коцупея. Помимо дяди Вани, о том же жестком времени напоминали еще несколько моих коллег разных лет. Финансист Яков Фельдман громко скрипел протезом на отсутствующей ноге. Его коллега Василий Засаднюк не расставался с опорной палкой, потому что искалеченная нога вовсе не сгибалась. Тем же страдал юрист Зиновий Таксер. А директор фабрики Константин Лисица пытался скрывать свою хромоту легкой «заячьей» походкой вприпрыжку — и ему это почти удавалось, ведь у него отсутствовала только передняя часть ступни.

На лицах этих людей я никогда не видел признаков боли или страдания. Напротив, они будто специально подчеркивали присущую им особую бодрость и дееспособность. Возможно, так они выражали тихую радость от того, что остались живы — едва ли не единственные из тех миллионов соратников, что не вернулись с полей сражений.

Образцовыми чертами инвалида-фронтовика отличался и Иван Феодосиевич Коцупей. В лице его навсегда застыло выражение самого важного и делового человека на фабрике. Я, в частности, на всю жизнь запомнил, с какой непреклонной серьезностью он заполнял единственной рукой бланк протокола, когда задержал меня под окном, из которого я выпрыгнул, чтобы успеть хотя бы на урезанный во времени футбольный матч.

С этим же невозмутимым выражением Коцупей приходил на кухню фабричной столовой с пустым ведром в руке. Там его наполняли едой для трех овчарок, состоявших в штате руководимой им охраны. А еще ему подчинялись три охранницы, круглосуточно дежурившие на проходной. В ночное время они были обязаны по несколько раз обходить территорию и заносить результаты осмотра в вахтенный журнал.

Из-за низкой зарплаты на эту должность шли лишь женщины пенсионного возраста. С прикормленными злыми овчарками им было уже не так страшно. Самым строгим голосом обладала полная, но энергичная баба Шура — добрейшей души человек на самом деле. К своему начальнику она относилась с глубоким почтением и нередко заполняла за него немало служебных бумаг.

Чего-чего, а письменной отчетности хватало даже небольшому советскому руководителю. Ведь, помимо охраны, Иван Федосеевич отвечал и за противопожарную безопасность Володарки. И не просто отвечал: в его ведении находилось самое настоящее ПОЖДЕПО. Это была довольно большая комната, центр которой занимала выкрашенная в красный цвет помпа с бензиновым движком на автомобильных шинах.

Стены помещения были завешаны плакатами и инструкциями по безопасному содержанию цехов и правилами тушения огня. Большинство подобных наглядных агитаций занимали видные места на складах и в производствах — рядом с огнетушителями, кирками и пожарными рукавами. Иван Федосеевич мгновенно составлял акт на любого начальника, у которого обнаруживал заваленные хламом проходы или недостачу снаряжения в уголке пожарной безопасности.

В определенные дни недели пожарное депо заполняла дюжина самых ловких и молодых женщин из конвейерных потоков. Таких групп было несколько — все они входили в добровольную пожарную дружину. Помимо теории, Иван Федосеевич регулярно проводил с ними практические занятия.

В такие дни девчата обували кирзовые сапоги, надевали спецодежду из плотного брезента и сообща вытаскивали помпу на улицу. Ее всасывающий патрубок опускали в специальный накопитель воды. Мотор заводил лично Коцупей. Он же строгим тоном объявлял выстроенным в шеренгу швеям:

— Очаг возгорания на втором этаже в цехе №4! Приступить к тушению!

Надо было видеть, как стремительно женщины отправлялись по местам расчета, раскатывали мотки рукавов, подставляли лестницу к окну и направляли в его сторону брандспойт, буквально вырывающийся из рук под напором воды!

После отработанной смены такие учения продолжались часа два. Я не переставал удивляться прилежанию женщин и руководящим способностям этого искалеченного войной солдата. А ведь единственным «пряником» Коцупея были всего три дополнительных дня к отпуску, которые пожарницы получали на основании справки, подписанной лично Иваном Федосеевичем.

За этот участок работы он отвечал вплоть до выхода на пенсию, даже после того как фабрику передали вневедомственной охране. И тогда Коцупей продолжал не давать покоя началь-

никам цехов и складов. За это часть из них его недолюбливала — скорей всего, именно они и распустили слух, будто в комнате досмотра на проходной дядя Ваня мог забраться чуть ли не под юбку той работнице, которая пыталась унести домой бобину ниток.

Вопреки этим сплетням, директор фабрики, которому Иван Федосеевич подчинялся беспрекословно, говоря о нем, неизменно отмечал: спать спокойно он мог бы только тогда, когда бы все остальные работники относились к делу так же.

А я в этих систематических воспоминаниях о людях с подобными судьбами определил свой собственный гражданский долг и в том, чтобы делать все возможное для предотвращения впредь мировой бойни подобных масштабов.

Глава 9. Николай Степаненко и Нута Ортенберг

Возвращаясь к ремонтникам механических мастерских, следовало бы назвать еще одну фамилию исключительно хорошего мастера своего дела. Не зря ведь «Володарку» называли школой высокого профессионального мастерства.

На этот раз разговор о Николае Григорьевиче Степаненко. На стыке 60-х и 70-х ему было около тридцати лет. Его называли просто Колей, но с каким почтением! Жена Николая работала в одном из швейных цехов. Они растили двоих деток: младший ходил в ясли, старшая девочка пошла в школу. Симпатии Николаю прибавляли хороший рост, стройная фигура, скуластое лицо киногероя и обворожительная улыбка.

Рабочий день и у него был расписан по минутам. Он работал на разных станках и отлично знал правила термообработки металла. Ящик своего верстака и тумбу под ним он запирали на замок ровно в пять, потому что торопился сначала в вечернюю школу, а затем — в институт. Николай первым в мастерских освоил изготовление сложнейших быстроизнашивающихся деталей по кондукторам. Рабочий инструмент он содержал в таком идеальном порядке, что лишнего времени не требовалось ни на поиск, ни на подготовку к работе.

Люди, вероятно, рождаются с такими качествами, а потом еще и прививают их своему окружению. Степаненко, возможно, и передал эстафету Кушу — заодно со своим верстаком и немалой частью инструментов. Николай был очень общительным и совершенно бесконфликтным работником. С той же обворожительной улыбкой он пожимал наши руки, когда стал инженером и уходил на другую работу.

О том, что удачно сложилась и новая карьера Николая, я услышал от своей жены. У руководства стройуправления, в котором она работала, Степаненко стал нередко появляться в качестве заказчика. И строители охотно взялись за расширение и реконструкцию городского овощехранилища, директором которого являлся Николай Григорьевич. В итоге и рядовым строителям управления несколько раз доставалось по килограмму апельсинов или лимонов к праздничному столу. Разумеется — с оплатой, но ведь в магазинах их тогда не было вообще.

В годы работы Степаненко в механических мастерских напротив его рабочего места, по диагонали, находился самый большой верстак электрослесаря Ортенберга Нуты Берковича. Здесь он ваял свои специфические крупногабаритные новшества. Они не касались швейных машин, которых Нута не знал. Но на фабрике было немало участков, где приходилось использовать так называемое нестандартное оборудование. Тяжелого ручного труда было больше всего в цехах подготовки и раскроя тканей.

Ботвиновский представил мне Ортенберга как электрослесаря по особым экспериментальным работам. Мне предстояло как можно активнее к ним подключаться. Ортенберга, а потом и меня приводили на определенное место в цехе, где нам и предстояло придумать что-либо для облегчения труда. В числе самых выдающихся работ Нуты запомнилась машина для настилки ткани на раскройный стол.

Она была в стадии внедрения, когда я ее впервые увидел. В ту пору в нашем распоряжении не было электромоторов с регулируемой скоростью, отсутствовала современная электроника для управления ими. Поэтому машина состояла из горы рычагов и кулачков.

Электрические концевики меняли направление вращения моторов. Неимоверным грохотом сопровождалось приближение тележки с рулоном к концу стола, чтобы направиться после этого в другую сторону.

Главной проблемой машины оказалось другое — недопустимое растяжение ткани. Но новинка должна была привлечь внимание многочисленных специалистов других родственных предприятий. С этой целью машину применили для настилки дешевой марлевой ткани, используемой для формовки нагрудной части пиджака. Я подробно рассказал о новинке в большой статье для журнала, который издавал совнархоз. Для этого я даже вычертил машину в изометрии. Так и я соприкоснулся с лучами славы талантливого рабочего.

В дальнейшем он не раз помогал мне выстраивать схемы управления электротехникой в моих устройствах. А вот характер у Нуты Берковича был непростой. Был и он из тех, кому не нравилось бахвальство Хрущева и голые прилавки магазинов. Чтобы выразить свое недовольство, он нередко, подобно Ленину, вскидывал над головой руку с зажатой в ней кепкой и громко произносил известное: «Верной дорогой идете, товарищи!».

Ортенберг и Степаненко уволились с «Володарки» приблизительно в одно время, потому что их не устраивала здешняя зарплата. Но я уверен, что и их именам место на нашей виртуальной доске памяти.

Глава 10. Кониченко, Киевский и Килимник — ветераны труда и войны, орденосцы

К концу пятидесятых — началу шестидесятых годов производство продукции на «Володарке» существенно возросло за счет присоединения двух артелей. Увеличилось и число работающих, хотя новички (более трехсот человек) еще долго оставались в тех же ветхих помещениях. Пока их только называли иначе — цехом № 5 и цехом № 6. Помещения цеха № 5 к тому же подтапливало при весенних паводках на реке Южный Буг.

Так, в соответствии с курсом Хрущева на ликвидацию немоощных артелей и промыслов, на руководство «Володарки» возложили дополнительные хлопоты, поскольку такие условия труда ее труженикам не подходили. Выход изыскали: для цеха № 5 освободили помещение фабричной котельной, функции которой взяла на себя новая котельная соседнего электротехнического завода. Под ее возведение «Володарка» предоставила часть своей территории.

Кониченко слева третий в первом ряду.

Цех № 6 несколько позже передали на новую фабрику № 2. Потребность в строительстве швейного гиганта из этого, возможно, и вытекала. К тому времени директор «Володарки» Константин Васильевич Лисица оказался во главе управления легкой промышленности Винницкого совнархоза. Подобные ему персоны, с корочками об окончании Высшей партийной школы (ВПС), числились в списках важной советской номенклатуры. Она и определяла главные направления развития промышленности и экономики страны, потому что профессионалов с дипломами инженеров было мало.

Ремонтниками «Володарки» тоже руководил практик — Николай Вячеславович Ботвинковский, а их количество теперь приближалось к сотне. Я и мои молодые сверстники тогда не составляли и третьей части коллектива. Сообща с именитыми ветеранами мы обеспечивали устойчивую работу конвейерных потоков.

Миллионы граждан все еще продолжали верить в коммунистические идеалы. По истечении рабочего дня на «Володарке» они бежали в вечерние школы, институты, готовились к соревнованиям в КВН и спартакиадам. И хотя их кумирами так и оставались герои фильмов «Как закалялась сталь» и «Коммунист», кое-кто из нас уже понимал, что разговоры о равенстве ведутся только в кино и книгах.

Эта часть из нас четко и трезво осознавала: лидер — это прежде всего тот, кто способен на большее, и ему за это больше положено. Лучше молодежи это понимали те, кто вернулся с фронта. Даже в условиях войны немало командиров имели отдельную палатку, фронтовую подругу и усиленное питание. Я и сам приценивался к роли лидера, чтобы сытнее есть и лучше одеваться.

Заодно с молодежью из близкого окружения мы равнялись на отважных фронтовиков с большим количеством орденов и медалей — наладчиков Киевского Виктора Леонидовича, Килимника Мотыля Вольфовича и Кониченко Николая Михайловича.

Среди них Килимник отличался покладистостью и подчеркнутой скромностью. О том, что он присутствует в цехе, мы просто не слышали. Но если на каком-нибудь другом участке наладчик не выходил на работу, его начальница просила: «Пришлите мне на подмену Килимника».

Киевский был особенно замечен тем, что являлся бессменным знаменосцем во главе фабричной колонны в дни праздничных демонстраций. Его чаще других включали в состав почетных президиумов на торжественных собраниях, несмотря на то что воинские награды потомственного ремонтника Кониченко (его отец был главным механиком фабрики еще до войны) были выше.

Николай Михайлович связывал оказываемые Киевскому почести с наличием у того партбилета. Значимость же самого Кониченко проявлялась в том, что он был автомобилистом от Бога, рыболовом и не просто хоккеистом, а тренером фабричной команды. Ее способных молодых спортсменов он трудоустроивал на фабрике учениками ремонтников при содействии директора или главного инженера.

Фотографию 1950 года опубликовала в группе Галина Петрук. За рулем мотоцикла — Николай Кониченко, за его спиной — механик цеха № 4 Сергей Федорук, а в коляске — Иосиф Слоневский.

Они стоят у выезда с фабрики, метрах в двадцати от проходной (белого одноэтажного здания). В мои времена там располагался склад фурнитуры, которым заведовал краснощекый весельчак Рома Бейгельман. С Кониченко его связывала общая любовь к футболу.

Немало опекаемой Кониченко молодежи становилось отличными наладчиками машин на конвейерных потоках. Это были парни, которым тренер никогда не давал указаний дважды — лидерское качество, обретенное им еще на фронте. А из того, что ему, в отличие от других, «кое-что полагалось», выделялась миниатюрная мастерская для тройки наладчиков специальных швейных машин. Ее удалось отвоевать в условиях катастрофического дефицита площадей.

Главной достопримечательностью мастерской был восстановленный из старья небольшой токарный станок. Его Николай Михайлович использовал прежде всего для ухода за своим всепогодным «Москвичом-400» из первых послевоенных выпусков. Запасных деталей в продаже фактически не было. Впрочем, такое использование станка оправдывалось хотя бы тем, что на своем автомобиле Кониченко отвозил громоздкую форму хоккеистов с фабрики прямо на ледовую площадку на другом конце города. Местные газеты отмечали, что Николай Михайлович выходил на лед в качестве играющего тренера даже в 62 года!

Подобные публикации в СМИ были важны для руководства фабрики: по ним в партийных верхах судили о том, что директор — достойный хозяин. Не ради ли этого, на «Володарке» содержали инструктора по спортивной гимнастике и руководителей художественной самодеятельности самых разных жанров. Посмотреть на женский духовой оркестр во главе праздничной колонны «Володарки» приходило немало людей из других коллективов.

Недаром семье Кониченко выделили благоустроенную квартиру в первом восьмиквартирном доме для ведущих специалистов, построенном в начале 70-х в самом центре города. Это в конечном итоге и подвело черту в негласном споре о подлинном лидерстве между Кониченко и Киевским. Подчеркнутое чувство собственного достоинства наладчика и тренера хоккейной команды на общественных началах ощущалось даже в его походке.

Неудивительно, что перед ним робели не только ребята-спортсмены, но и швеи, машины которых он обслуживал. Если на других ремонтников они могли раскричаться за несвоевременную явку по вызову из радиоузла, то Кониченко даже не вызывали — сами прибегали за ним в мастерскую. И они же смущенно извинялись и делали шаг назад, не разворачиваясь, если заставляли его за работой у станка или за обедом.

Справедливости ради стоит отметить, что сам Кониченко этим не злоупотреблял. Если он не мог прийти на вызов, то отправлял на место поломки кого-то из учеников, всегда находившихся неподалеку. В этом тоже заключался учебный процесс.

А вот укороченный, 20-минутный обед бригады представлял собой священный ритуал. Он неизменно начинался с разлива пол-литровой бутылки водки по трем граненым стаканам. Ее выпивали в один прием — словно томатный сок для аппетита, что тоже было фронтовой привычкой. Закусывали, как правило, принесенным из дома куском хлеба с салом или яичницей. В рационе Кониченко всегда присутствовала и головка чеснока, которую он съедал в одиночку.

Дневную норму в бригаде не превышали, и работе она не мешала. Лишь лидер, в порядке исключения, мог выпить еще «четвертушку» по окончании игры на льду — после того как ребята складывали в машину спортивную форму с клюшками и расходились. Алкоголь для молодежи был под строгим запретом, а Николай Михайлович так «снял возрастное перенапряжение организма».

С таким образом жизни он единственным продолжал работать в бригаде наладчиков до 82 лет. Правда, от его лидерских качеств к тому времени уже почти ничего не осталось: под конец из-за ухудшенного зрения молодые коллеги доверяли ветерану только смазку машин. Столь резкое понижение статуса объяснялось элементарной потребностью в деньгах на горючее для автомобиля. С ним Николай Михайлович так и не расстался — лишь поменял его на новую, более комфортную модель «Москвича» в начале 80-х.

В нелегкий период становления новой Украины не ветеран Кониченко, а именно некоторые молодые ремонтники не устояли перед пьянством и наркоманией.

Глава 11. Михаил Куц — ремонтник с золотыми руками

В рассказах о моих сотрудниках механических мастерских я уже упоминал имена местных асов. Но прежде, чем представить еще одного металлиста высочайшего уровня, снова сделаю небольшое отступление.

В эпоху социалистического соревнования цеховых коллективов имя начальника цеха всегда звучало в списках победителей первым. Однако сами руководители прекрасно понимали: рассчитывать на настоящий успех могли лишь те коллективы, в чьих рядах трудились опытные и умелые работники. Именно они легко разгребали любые «завалы» — на каком бы этапе производства те ни возникали.

На снимке слева направо: Иосиф Слоневский, Виктор Киевский, Михаил Литвак, Михаил Куц и Николай Мельник)

Так вот, в механическом цехе таким ключевым человеком был слесарь Михаил Иванович Куц. Если он находился на своем рабочем месте, то его начальника не очень волновало отсутствие и трех-четырех работников. Куц не только безукоризненно слесарничал. Он отлично справлялся с работой на любом станке мастерских — токарном, фрезерном, шлифовальном. Михаил Иванович мог самостоятельно отремонтировать или изготовить заново немало сложнейших деталей швейного оборудования.

Руки у него были действительно золотыми: никто так, как он, не владел напильниками, надфилями и полировальными инструментами. А какая голова! Для изготовления деталей

сложной многоплоскостной конфигурации Куц сам придумывал и изготавливал наборы кондукторов-шаблонов. Заходя в кузницу, он прямо с порога надевал фартук, разжигал горн — и чувствовал себя там тоже абсолютно в своей стихии.

В процессе работы он полностью погружался в творимое им таинство. Мне Куц запомнился всегда собранным, плотно сколоченным чернобровым мужчиной в скромной, но всегда выглаженной одежде. Он принадлежал к той категории людей, которые обходили стороной гонку за роскошью и распри. Его неизменным увлечением являлся всепогодный мотоцикл «Ява» с коляской.

Мотоцикл всегда был вымыт и начищен до блеска. Двигатель работал отлаженно и тихо, казалось — беззвучно, под стать самому хозяину. По его приездам и уездам можно было сверять часы: время прибытия на фабрику и возвращения домой соблюдалось с точностью до минуты. Михаил Иванович был страстным рыбаком и ради хорошего улова уезжал на своей «Яве» очень далеко.

Молчаливость Куца нарушалась нечасто, но если уж он решался высказаться, то выкладывал все, что наболело. Однажды во время обеденного перерыва за традиционной партией в шашки его поддел кто-то из коллег:

— Дядя Миша, — так его уважительно звала молодежь, — неужели вам, мастеру с золотыми руками, в профкоме опять не выделили талон на покупку настенного ковра?

Жители Страны Советов помнят, что в те времена прямо на производствах устраивали распродажу дефицита — ковров, сервизов, чешского хрусталя. В магазинах ничего этого не лежало, и власть таким способом вроде как «оказывала честь» передовикам.

— А мне его там и не выдадут никогда. За мой язык, — спокойно ответил Куц.

— За ваш язык? Шутите! А кто его вообще слышит, дядя Миша?

— Услышали, и еще как. Недавно там же, в профкоме, когда я пришел записаться в очередь на покупку автомобиля. А мне заявили, что ждать придется больше десяти лет.

— И что вы им ответили?

— А то и сказал: все они вместе взятые превратили нашу зарплату в бумажки и довели народ до того, что человеку нужно выпрашивать разрешение, чтобы купить вещь на собственные честно заработанные деньги! И добавил, что второго такого унижительного визита от меня они не дождутся.

Куц прекрасно знал, что все эти очереди и правила начальство легко обходило для «нужных людей», к которым по праву мастерства относился и он сам. Но руководству не хотелось этого признавать — ведь Куц мог прямо сказать правду там, где другие предпочитали промолчать.

В другой раз мне довелось услышать рассуждения Михаила Ивановича, когда рабочие в мастерской возмущались несправедливым распределением квартир в новом доме. Их обижало, что швейникам, мебельщикам и пищевикам жилья строили катастрофически мало, хотя именно их трудом пополнялась казна. На одной только «Володарке» в очереди состояло более четырехсот человек. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: государство в первую очередь строило дома для военных ведомств, укрепляя собственную защиту.

Куца же тогда больше всего поражало другое: почему он до кровавых мозолей корячился, возводя собственный дом, и не получил от предприятия ни гроша компенсации, в то время как очередной нерадивый работник спокойно дожидался бесплатной квартиры от государства? В этом Михаил Иванович видел вопиющую изнанку всей советской системы.

Он не желал подачек за послушание в виде «бесплатного» жилья, медицины или образования. Он хотел, чтобы рабочим выплачивали честную и достойную зарплату, позволяющую решать любые житейские вопросы самостоятельно.

В том, насколько разумно устроена такая логика, я позже убедился в Израиле, где с первых дней стал жить по этим правилам.

Самого Михаила Ивановича с нами уже давно нет. Но о нем мы не раз вспоминаем в переписке с моим коллегой по «Володарке» Виктором Олейником. Вот выдержка из его письма:

«А знаете, кто научил меня отлично делать закалку стали? Ну конечно же Михаил Иванович, который никогда не держал секретов от молодых! Он был специалистом высочайшего класса, на голову выше многих. Металл, его обработка, закалка, отпуск, используемые инструменты — во всем этом дядя Миша не имел себе равных.

Горжусь, что был одним из тех немногих, с кем он искренне общался. Закалить металл, отпустить его до упругости пружины — этому меня научил именно он. У меня и моих друзей отвертки для повседневной работы служат десятилетиями, потому что термообработку я делаю ровно так, как поучал дядя Миша...

Да, у нас в механических мастерских "Володарки" делали очень хорошие ножницы — куда лучше заводских. Но Куц за них даже не брался: для него это была слишком простая работа. Если же по какой-то причине ему все-таки приходилось изготавливать ножницы, другие слесари отводили глаза от неловкости. Ведь даже эта рядовая вещь в руках Михаила Ивановича превращалась в произведение искусства — шедевр по всем показателям».

Глава 12. Ремонтная служба с трудовыми династиями

К концу 50-х – началу 60-х годов количество работников «Володарки» приблизилось к полутора тысячам, когда в составе фабрики оказалось шесть пошивочных цехов. Около 7% от общего числа составляли ремонтники. С помощью моих бывших сотрудников я продолжаю представлять вам их имена, чтобы помнили. В заключение список окажется немалым, а сегодня хочу заметить, что среди них было немало евреев, включая семейные династии.

Это объясняется тем, что в первые годы советской власти винницкие портные объединились в единую мастерскую для массового производства одежды. К концу 20-х годов в ней уже было занято около 300 человек. В основном это были евреи, которые обшивали офицерский состав нескольких полков царской армии, расквартированных в городе.

Лидеры определились и среди портных. В начале тридцатых годов им удалось построить и ныне действующий производственный корпус. О тех временах в архивах областного центра скупко рассказывали несколько протоколов собраний и выпусков фабричной многотиражки. Почти все они были написаны на языке идиш, которого я не знал.

Некие объяснения к ним мне удалось получить у ветерана довоенной поры, пенсионера Держанского. Тогда он работал начальником производственного отдела. При мне он лет десять возглавлял один из пошивочных цехов. Его жена Неля намного дольше работала на коммутаторе и у радиорубки в диспетчерской. От Держанского и некоторых ветеранов-ремонтников я узнал, что на идише проводились тогда и собрания, а немало механиков и электриков разговаривали на нём свободно, хотя евреями не являлись.

Теперь и вам стало ясно, почему и в мои первые годы работы фамилию Гориных не знал редкий швейник. В 30-х два брата, Лёва и Фроим, были на «Володарке» совсем молодыми мужчинами. На моих глазах их головы были выбелены сединой. И получив удостоверение пенсионера, младший из братьев, Лев Соломонович, ещё не один год отправлялся в дальние командировки, чтобы выбивать фондовое сырьё на текстильных комбинатах СССР.

Шурик и Эдик, сыновья Льва Соломоновича, после окончания войны пришли на фабрику, даже школы не закончив. Помню, Шурик работал наладчиком швейных машин в цехе № 3. После смены братья отправлялись в вечернюю школу. Маленькой зарплаты отца семье явно не хватало. Трагедии из этого не делали. Наоборот: лицо высокого, красивого и стройного Шурика редко покидала сиявшая улыбка.

Говорили, что в семье Фроима Соломоновича Горина было шестеро детей. Видимо, поэтому здесь на обучение ставку не делали вообще. При мне на «Володарке» работали старший Александр и младший Леонид. Под патронажем Кониченко Александр стал наладчиком специальных машин и занял прочное место в его обновленной бригаде. По дисциплине и

серьёзности отношения к делу Александр входил в список образцов для подражания. Его жена Тамара сменила начальника отдела кадров Александру Арутинову в середине 80-х.

Спецмеханик Александр Горин, его жена Тамара Николаевна, начальник отдела кадров, и я на одном из семейных торжеств.

Большим уважением у большинства сотрудников пользовался Леонид Горин. Он специализировался на радиотехнике и электронной аппаратуре фабричной диспетчерской. На нём же держалась и усилительная аппаратура клуба. Лёня не оставался безучастным ко всем, кто обращался к нему за помощью. На определённом этапе у него не было отбоя от тех, кто играл на электрогитарах. Я не забыл и о причастности Лёни к выступлениям фабричной команды КВН, где он обеспечивал сложное тогда «озвучивание» её немых фильмов. И у Лёни сложилась очень хорошая семья — тоже с Тамарой, и тоже с его сотрудницей, не еврейкой.

Леня Горин (справа) и Боря Канторов

О третьем брате этой семьи Гориных писали в городских газетах. Он якобы возглавлял группу винницких моржей. Они, как только на Бугу появлялся прочный лёд, делали прорубь и приступали к повседневному купанию. Подчёркиваю, что те и другие Горины обходили водку

стороной. Позже других среди них женился красавчик Шурик. Ему было хорошо в таком положении до 30 лет. Тогда некоторые из нас пророчили ему, что он так и останется старым холостяком.

И тут Шурик увольняется. А спустя полгода мы узнаём, что он женился на киевлянке. Лишь его брак оказался самым удачным. В Киеве Шурик окончил институт лёгкой промышленности и стал главным механиком фабрики «Детодежда». Ею руководила Бунина, директор «Володарки» первых послевоенных лет. Это при ней был успешно восстановлен производственный корпус, который сожгли убежавшие из города немцы.

Не много ли туго переплетённых жизненных событий? Говорили, что Лев Соломонович умел в них прекрасно ориентироваться. Понятно, что дети наследуют хорошие качества родителей. А Шурик, таким образом, оказался своеобразным лидером трудовой династии Гориных. Он проводывал своих родителей довольно часто. Когда приезжал, то заходил и к своим бывшим сотрудникам. У меня и с ним было о чём поговорить. Я слышал, что в начале 90-х годов Шурик и его двоюродный брат Александр выехали с семьями в Канаду.

Комментарии

Leon Silverstein: Я очень близко знал всех Гориных и Илью Соломоновича, который бывал у нас дома, и Шурика, его сына, с которыми я встречался в Киеве. Естественно, знал Шурика и Тамару и знал их дочь. Фотографию Лёни Горина я вам посылаю: у меня она потому, что, во-первых, я с ним работал, а во-вторых, он был оператором в нашем ансамбле. Рядом с ним — Боря Канторов, руководитель нашего ансамбля. Работал на фабрике ещё их родственник Ньюма Горин, водопроводчик, который живёт в Израиле; он тоже был хороший музыкант.

А также работал брат жены Лени Тамары — Витя Мазур. Он дружил с Толей Кашпировским и приводил его частенько на фабрику. Там и в клубе он показывал всем свои гипнотические способности. Гениально! Как вы всех помните?

Автор: Дорогой Леон, спасибо за добрый и содержательный комментарий. В нём ты не только расширил список прекрасных имён истории «Володарки» наших времён, но и дополнил их фотографией. Я, в свою очередь, дополняю её публикацию обновляемой редакции книги и настоящей главы прямо сейчас. Так поступали другие читатели — фактически соавторы. Вспомнились в эту минуту Виктор Олейник (колодец без дна), Жанна Любарская, Валентина Урбан с дочерью Наташей (Нунэ). Новая версия будет полнее, туда войдут и ваши комментарии, поэтому потянет на две части. Их электронный вариант я опубликую на платформе Литреса. Возможно, в будущем кто-то их издаст на бумаге.

Виктор Олейник: С Витей Мазуром я работал в одном цеху на разных сменах с 1978 года. Сейчас он уже давно на пенсии. Иногда встречаю его, идущего на рынок с палочкой и рюкзаком за плечами... Когда-то снимал на фабрике очередное видеописьмо для Аркадия Моисеевича. Мимо шла сестра В. Мазура — Тамара. Спросила, что снимаю. Пояснил. А она: «Ой, Виктор, а можешь меня снять? Я хочу Аркадию сказать хорошие слова, что мы его помним, любим и уважаем... Я вот здесь стану, возле клумбы с розами...» Через мгновение: «Виктор, стоп, не снимай!.. Я же без зубов, забыла их сегодня дома... А как я в таком виде покажусь перед Аркадием Моисеевичем?»

Глава 13. Первые руководители «Володарки» моей истории

Я уже называл немало вошедших в мою историю имен рабочих и управленцев. Пришла пора представить и важные фигуры лидеров, место которым было отведено в «капитанской рубке». Без директора во главе трудно представить коллектив даже маленькой фабрички. Что тогда говорить о многотысячных трудовых коллективах, где руководителю, помимо задач сугубо производственного характера, приходилось заниматься жильем, детскими садами и даже оздоровлением своих сотрудников!

Что-то, несомненно, делалось на этих направлениях и на «Володарке». У одних директоров это получалось лучше, у других — хуже. Сложность стоявших перед первыми руководителями задач требует и более широкого представления их самих.

Мое заявление о приеме на работу летом 1957 года подписывал директор «Володарки» Константин Васильевич Лисица. Что я мог знать о нем на 22-м году своей жизни? Вы, верно, полагаете — ничего.

Позднее я узнал от главного инженера фабрики Леонида Израилевича Гендельмана, что Лисица сменил Плотичина в 1955 году — потому что тому, после весьма инициативной Бунинной, не удалось даже приблизиться к уровню ее популярности. Мнение главного инженера о Лисице было хорошим. Они оба вступали в свои должности почти одновременно. Сдержанным в выводах о ком бы то ни было был Николай Вячеславович Ботвиновский.

Если на плотный деловой контакт с ним и главным инженером я вышел с самого начала, то директор при редких встречах пробегал мимо меня, словно мимо телеграфного столба на тротуаре. Даже по выражению его лица я понимал, что он принадлежит к советской номенклатуре с перспективой дальнейшего роста. Да, это ее отличали по пыжиковым шапкам, да, это ее формировали из местных активистов в так называемых высших партийных школах (ВПШ). Их выпускников «для шлифовки» зачисляли в городской партийный аппарат, который являлся источником обновления руководителей на местных заводах, фабриках и в учреждениях.

Мое предположение относительно Лисицы вскоре подтвердилось. В 1957 году началось формирование Подольского совнархоза. Винница стала центром экономического административного района, который объединял четыре области: Винницкую, Хмельницкую, Тернопольскую и Черновицкую. Перспективного Лисицу сразу перевели в только что созданное Управление легкой промышленности совнархоза. В разные годы он его возглавлял или же являлся первым заместителем начальника.

Каким же было мое удивление, когда по истечении лет четырех секретарь директора вызвала меня к себе и вручила под расписку первое служебное письмо, адресованное лично мне!

Серьезность его значимости подчеркивал взгляд Нины Афанасьевны, ухоженной помощницы директора фабрики. А на эту должность после ухода Лисицы горком партии прислал Евдокию Ивановну Пустовит — из состава той же номенклатуры. К макияжу она не прибегала, и седина заметно пробивалась в ее незамысловатой прическе.

Приятные воспоминания у меня остались и об этом руководителе. Мое становление в качестве конструктора ОГМ происходило именно при ней. Из разговора с ней я знал, что она была в курсе удавшихся мне в цехе подготовки станков для разбраковки и промера ткани, в которых я механизировал выгрузку тяжелых рулонов. Не менее эффективными оказались

столы для выполнения целого ряда немашинных работ. Каждый из тех, что были предназначены для межоперационной утюжки, был оснащен мелкими, но важными приспособлениями.

К этому времени вместе со мной работали еще два конструктора — Александр Гендельман и Яков Лесник. Кроме того, местный радиоузел транслировал еженедельные выпуски молодежной радиогазеты «Прожектор» под моей редакцией. Это тоже усиливало мою узнаваемость в коллективе. Думаю, и поэтому, в отличие от Лисицы, Пустовит при встречах подавала мне руку со словами вроде:

«И этот выпуск удался! Особенно посмешили частушки о пригоревших макаронах в столовой».

Это Пустовит поручила мне подключиться к активу молодежи, которая намеревалась создать фабричную команду КВН. А однажды Евдокия Ивановна сказала мне — чуть ли не по-матерински, — что не видит для меня перспектив на фабрике: она была уверена, что настоящий успех ждет меня на современном машиностроительном заводе.

А то самое письмо, которое мне вручила секретарь, было подписано начальником управления легкой промышленности Лисицей. Он приглашал меня на заседание Совета директоров на следующей неделе с отчетом о проделанной на «Володарке» работе.

С этим письмом я зашел к Гендельману. Он знал о плане Лисицы, который таким образом показывал Пустовит свою решительность в проведении идеи в жизнь. После заседания я прозрел полностью: мне предложили возглавить отраслевое конструкторское бюро, разработки которого будут внедряться на швейных фабриках всех четырех областей экономического района. Этому противостояла Евдокия Ивановна, мотивируя отказ отсутствием на фабрике необходимых площадей.

Мне идея Лисицы понравилась. В том же году бюро под моим руководством заняло просторный кабинет технического обучения. Состав проектировщиков усилили двумя выпускниками Киевского института легкой промышленности и ввели в штат копировщицу. Приняли еще нескольких слесарей в механические мастерские, тогда же выделили фонды на новый строгальный и фрезерный станки.

И все равно этого оказалось недостаточно для удовлетворения потребностей 26 фабрик четырех областей. И тогда Лисица с помощью своих коллег из совнархоза подыскал пару заводов для размещения наших заказов — я стал заниматься и этим. Кроме того, мне льстило, что теперь ко мне за помощью обращались директора многих фабрик.

Глава 14. Радиогазета (из комментария в группе)

В своё время я решил вынести этот отзыв в отдельную публикацию, чтобы привлечь ваше внимание к одной из важных страниц моей жизни.

Я и сам планировал рассказать вам о радиогазете, которая регулярно, на протяжении десятилетий, выходила на «Володарке» под моей редакцией. Но даже подумать не мог, что обычно немногословный Виктор Олейник разразится таким эмоциональным воспоминанием о ней! Перечитав его комментарий, я понял: лучшей характеристики радиогазете и быть не может.

Молодые участники группы вряд ли могут представить, что в советские времена я и мои сотрудники, все как один, участвовали в соревновании за звание «Ударник коммунистического труда». У нас, как и на других предприятиях, все мы заполняли и подписывали бланк «Личные социалистические обязательства». В нём мы клялись, что выполним свои служебные обязанности на 110–120%, а вдобавок берём на себя две-три общественных нагрузки. На самом же деле — какие проценты мог определить служащий, который, к примеру, отвечал на телефонные звонки или сводил в общий бланк отчётные данные, поступавшие из цехов и бригад?

В этих формальных правилах, напоминавших детсадовские игры, я и выбрал радиогазету, взамен роли пропагандиста. Будь я пропагандистом, мне пришлось бы из года в год изу-

чать с бригадой рабочих какого-нибудь цеха постановления очередного съезда партии, что было просто выше моих сил.

А вот соревнование цеховых коллективов было самым настоящим. Каждый цех старался сшить как можно больше брюк или пиджаков за месяц. К победе (а значит, и к премиальной добавке к зарплате) приходили не без конфликтов между участниками процесса: наладчики могли затянуть ремонт швейной машины, а снабженцы — сорвать поставку тканей или пуговиц. Радиогазета анализировала обстановку и сводила свои разъяснения к простому принципу: производственный коллектив — это большая семья. В семье всякое бывает, но обид члены семьи не копят, они их просто забывают.

Работа над выпусками давалась нелегко, но добрую её половину я успевал сделать прямо на собраниях и оперативках, где коллегам приходилось часами «переливать из пустого в порожнее». Материал для второй половины приносили сами рабочие и управленцы. В разные годы печатать, читать и записывать выпуски на магнитофонную ленту мне помогали больше других Леонид Горин, Римма Шевченко и Лиля Турган. Лилия — тоже участница нашей группы и может подтвердить правдивость этих воспоминаний. Без помощи коллег я бы точно не добился успеха.

А вот и сам комментарий Виктора Олейника — стража нашей бескорыстной дружбы, которой уже 42 года: «Я пришёл на фабрику 02.01.1978 г. Каждый выпуск радиогазеты был тогда настоящим событием. Её цитировали, пересказывали друг другу, из неё узнавали много нового об истории фабрики, её сегодняшнем дне, планах на будущее, а самое главное — о тружениках. Всё это делалось с большой любовью, и каждый выпуск требовал колоссальных затрат времени и труда. И в цехах, и на территории фабрики Аркадия Моисеевича часто спрашивали, когда выйдет очередной номер. Газету ждали!»

После того, как Аркадий Моисеевич уехал, рабочие стали требовать возобновить радиогазету. Что и было сделано. Среди новых авторов был даже заслуженный журналист Украины, приглашённый руководством. Но то, что создавалось потом, нельзя было назвать даже жалкой пародией на то, что делал Безрозум! Вспоминая прежние времена, ветераны фабрики всегда с удовольствием и теплотой вспоминают радиогазету Безрозума.

Уезжая, он собрал толстые папки с текстами выпусков по годам и отнёс их в партбюро для сохранения в архиве фабрики. Через какое-то время (в начале 90-х) я увидел в курилке фабричных грузчиков, рассматривавших бумаги и фотографии. На вопрос, что это, они ответили: „Нам сказали вынести на мусорку какой-то архив, вот мы и взяли несколько фоток посмотреть...“ Я тут же побежал к фабричным контейнерам, но оттуда машина уже вывезла всё на городскую свалку...»

Дополню, что эти подробности Виктор запомнил не случайно. Это я попросил его в одном из писем узнать, сохранились ли в архиве материалы радиогазеты. Мысль о написании истории легендарного коллектива у меня возникла к концу 90-х в Израиле. Конкретные данные из определенных выпусков могли бы существенно оживить интерес описываемых событий минувших лет.

Глава 15. КВН и «Володарка»

Как же обойти стороной КВН и не затронуть в очередной раз тему общественной работы?

Немного из истории самой игры. 8 ноября 1961 года по инициативе Аксельрода, Муратова и Яковлева в эфир вышел первый выпуск самой популярной юмористической передачи в СССР. Говорят, что название проекту дали в честь популярных в то время черно-белых телевизоров «КВН». Но мне больше нравится привычное и в наши дни определение — Клуб веселых и находчивых.

На фото: Изя Минц, я, Люда Овчинникова, Галина Козак, Валера Каплун (до перехода на фабрику №2). Сцена из домашнего задания на встрече четырех команд города.

Сначала в КВН соревновались студенты ведущих вузов страны. Популярность игры росла настолько быстро, что вскоре она обрела массовый характер: между собой соревновались классы и школы, заводы и фабрики. В сетевой группе о популярности игры в Виннице тех времен напомнил Георгий Туллер — капитан команды КВН инструментального завода (лидировавшей на протяжении ряда лет), а затем и капитан сборной города.

Туллер привел выдержку из «Истории винницкого КВН» Леонида Таратуты (раздел «Шестьдесят второй и другие годы...»):

«Сезон 1967–68 годов оказался для команды мединститута, которую я продолжал возглавлять, более успешным. Мы приняли во внимание свои прошлогодние просчеты, избавились от шапкозакидательских настроений и, одолев несколько команд в предварительных играх, вышли в финал, где встречались с двумя швейниками: первой и второй фабриками. Следует заметить, что команда инструментального завода в тот год не участвовала в чемпионате, что существенно облегчало нашу задачу. Впрочем, швейники оказались твердыми орешками. Капитаны первой фабрики Аркадий Безрозум и второй — Борис Шварц не собирались сдаваться на милость студентам-медикам».

А вот еще одно из воспоминаний Георгия Туллера: «В финале последнего Винницкого чемпионата КВН (1968 год) встретились команды медицинского института и двух швейных фабрик: "Силуэт" (фабрика им. Володарского) и "Игла" (вторая швейная фабрика). В 1969 году в Летнем театре прошел вечер "Тряхнем стариной", где команды исполняли лучшие номера из прошлых встреч. А потом, как и положено, собрались в теплой обстановке. Было весело! У меня чудом сохранилась фотография того вечера, на которой запечатлены Аркадий Безрозум (капитан "Силуэта"), Борис Шварц (капитан "Иглы") и еще один звездный игрок из "Иглы" Валерий Каплун».

На фото: Яков Лесник, Тамара Захарчук, Валера Каплун, я, Боря Шварц и его девушка. Разумеется, уже после завершения соревнований.

К этим воспоминаниям я добавлю следующее. В тот период на «Володарке» под моим руководством работали четыре конструктора: Александр Гендельман, Анатолий Осадчук, Яков Лесник (имя четвертого конструктора, как и калькировщицы, я, увы, забыл). С Яковым мы учились в институте и убегали на занятия сразу по окончании работы. В выходные дни мы с ним до позднего вечера сидели у кульманов — выполняли контрольные и курсовые работы, в том числе и для тех студентов, которые неплохо платили наличными а наш труд. Так мы находили приработок на стороне, поскольку скромных инженерных зарплат нам, как и многим тогда, не хватало.

В это же время местный радиоузел транслировал еженедельные выпуски молодежной радиогазеты «Прожектор» под моей редакцией. По местной традиции каждый инженер был обязан нести «общественную нагрузку». Яша являлся пропагандистом в одном из цехов, а я вообще был загружен по самое горло. Но эти нагрузки только укрепляли мою узнаваемость в коллективе. Не потому ли директор фабрики Евдокия Ивановна Пустовит при встрече подавала мне руку со словами:

— И этот выпуск вам удался! Особенно посмешили частушки о пригоревших макаронах в столовой.

К слову, этим вниманием к людям она выгодно отличалась от Лисицы. Евдокия Ивановна лично настаивала на том, чтобы я подключился к молодежи, которой по распоряжению горкома комсомола предстояло создать фабричную команду КВН. Разумеется, тем самым она шла навстречу просьбам пробивных и настойчивых секретарей комитета комсомола — Галины Козак, Тамары Захарчук и других очень способных девушек. В скором будущем представительницы прекрасного пола с такой хваткой заняли достойные места в руководящих партийных

и советских органах: Галина Козак после обкома комсомола перешла в руководство Замостянского райкома партии, Тамара Захарчук оказалась в ректорате торгового института, а Мария Катежелова немало лет возглавляла Старогородский райком партии. Вот тогда-то в голосах вчерашних еще нежных девушек и прорезался присущий советским лидерам металл.

Помню, что Катежелова не отказала мне в приеме для обсуждения исключительно важной производственной проблемы. Я тем более не мог отказать Евдокии Ивановне, когда она поручила мне взяться за дела команды КВН в роли ее капитана.

Самым трудоемким этапом подготовки к очередной встрече было «домашнее задание». На его обдумывание после объявления темы у меня уходило два-три вечера. Собрав команду, я озвучивал тему и просил участников прийти завтра со своими предложениями. На следующий вечер я уже приносил готовый сценарий. К этой работе я относился с полной самоотдачей: понимал, что авторитет коллектива создается общими усилиями, и старался укреплять престиж всей команды, а не только свой собственный.

Изменения в мои сценарии вносили редко. Причин было немало, но главная виделась в том, что мои коллеги мужчины были слишком загружены работой и основной, и подработками на стороне (на «халтурах»), а женщины маленькими детками, кухней и огородом. Возможно, по той причине почти никто из участников команды не мог запомнить свои слова и сценические монологи.

Сначала я пытался искать выход в предельно коротких фразах, а потом и вовсе сместил акцент на пантомимы и немое кино. И это, как оказалось, удавалось мне лучше всего! Да настолько, что позже с одним из таких фильмов Туллер приглашал меня на встречи студенческих команд: наш ролик служил для них и конкурсным заданием, и мастер-классом одновременно.

Но пришел час, когда и я был вынужден полностью отказаться от интересной, но непосильной ноши. В те времена руководство ПШО возложило на меня куда более серьезные служебные и общественные задачи. Под моим началом оказались все виды ремонта, ключевые вопросы технического перевооружения производства и капитального строительства (с учетом возможностей тех лет). А в 1980 году к этому добавилось еще и личное дачное хозяйство.

Глава 16. Подшипниковый – ГПЗ 18

С Евдокией Ивановной мне довелось сотрудничать с 1957 по 1965 год. В те восемь лет я развернул работу ОКБ на всю возможную в моих условиях ширь. А в последние полтора года в цехах «Володарки», что называется, потели работники отдела и лаборатории автоматики Проектно-конструкторско-технологического института Управления пищевой промышленности Совнархоза (ПКТИ). Только что созданный там коллектив возглавил мой товарищ Юра Кучеренко. В начальном периоде ему директора предприятий его отрасли пока не успели настроиться на автоматизацию.

На фотографии — швейный цех «Володарки». На его торцевой стене висит табло автоматизированной диспетчерской системы.

К предложенной мной идее использовать элементы автоматики в управлении производственными процессами швейной фабрики Юра сначала отнесся с недоверием. Но уже спустя полчаса его нарастающий интерес отражали с десяток схем, нарисованных им в большом блокноте.

Идею сразу поддержал главный инженер «Володарки» Гендельман. Он же организовал и открытие финансирования — через «нашего человека» Лисицу в управлении легкой промышленности.

Вскоре на видном месте каждого пошивочного цеха висело табло (заметно на дальнем плане фотографии). В верхней строке табло указывались дата и шифр смены. Световые ячейки второй строки отражали плановое задание в единицах продукции (брюки, пиджаки) и фактический выпуск на данный момент. Ячейки третьей строки показывали ту же картину, но исходя из плана на месяц. Эти же данные выводились на счетчики главного пульта диспетчерской службы. Там же фиксировалось время простоя конвейеров и технологического оборудования в зонах обслуживания.

Новая система потребовала относительно больших затрат — почти 100 тысяч рублей. В тот год на нее ушел чуть ли не весь фонд развития науки управления легкой промышленности Совнархоза. К сожалению, новинка не могла целиком решить задачу, которую ставили перед ней авторы. Из-за отсутствия в СССР должной компьютерной базы цифровые данные не вносили в документы учета. Действовавшую в такой форме систему я увидел лишь в 1991 году на месте моей новой работы в Израиле.

Но и наши разработки стали важным первым шагом на пути к автоматизации управленческих процессов. Для знакомства с этим редким тогда явлением к нам зачастили гости со разных концов страны. Мой авторитет в глазах Евдокии Ивановны рос.

Вскоре новое руководство страны во главе с Брежневым расформировало совнархозы, вернувшись к прежней централизованной форме управления через министерства. Немало

оставшихся без работы чиновников Совнархоза нужно было трудоустроить. Большая их часть во главе с Лисицей пришла на «Володарку». Ее превратили в головное предприятие областного производственного швейного объединения (ПШО). Зарплаты у начальников отделов управления объединением существенно возросли.

Обо мне впопыхах забыли. Я возмутился и ушел на строившийся в городе подшипниковый завод. Там меня приняли на должность начальника подготовки производства в шариковый цех. Мой новый молодой начальник Анатолий Пяста обещал назначить меня своим заместителем, как только утвердят новое штатное расписание. Пока же у меня начались длительные поездки на переобучение на заводы Москвы и Минска.

Вернувшись, я надел рабочий комбинезон и возглавил бригаду по запуску станков. Вскоре коллектив моего цеха приступил к выполнению первых плановых заданий. По утрам в дальнем правом углу огромного помещения открывались ворота. Подавая сигнальные свистки, в них вкатывался тепловоз с вагоном. Он был загружен тоннами мотков ленты и прутков — материалом для колец, шариков и сепараторов. Носившийся под высокими потолками мостовой кран доставлял сырье в места переработки.

Как водится в период запуска, рядом с первыми партиями готовой продукции складировали немало брака. Премияльной доплатой к окладу за выполнение плана здесь пока не пахло. Мой общий заработок по сравнению с фабричным упал. На работу ранним утром приходилось добираться в переполненных троллейбусах. От визга обдирочных станков в цехе становилось невыносимо шумно даже с защитными пробками в ушах.

В воздухе стоял резкий запах керосина, служившего основой смазочно-охлаждающей жидкости. У некоторых станков его дополнял перегар их операторов. Вероятно, их ужин включал пару стаканов самогона. Из-за этого одежду, в которой я возвращался домой поздним вечером, приходилось выставлять на балкон для последующей стирки.

Корпуса ГПЗ-18 в пору его расцвета.

На фотографии — останки бывшего подшипникового завода, который тоже не устоял в итоге перестройки.

Сказать, что в такие дни я не вспоминал добрым словом совершенно другие условия работы на Володарке, не могу. Вспоминал и сотрудников, которые резко отличались от моего нового окружения. Как оказалось, и обо мне там не забывали, по крайней мере те, с кем связывало не только приятное сотрудничество, но и годы дружбы на семейном уровне.

Видимо, поэтому и появился вечером на нашем четвертом этаже главный инженер ПШО им. Володарского Гендельман. Тогда прошло всего-то чуть больше года со дня моего перехода на ГПЗ-18. Время было вечернее. Я уже успел отмокнуть в ванной и поужинать после нелегкой смены. А гость, как оказалось, задержался на партсобрании. Он был голоден и попросил чашку чая с бутербродом, чтобы мы могли поговорить тет-а-тет на кухне.

Здесь я и услышал от Лени, что сам Лисица предлагает мне вернуться и возглавить всю ремонтную службу, включая капитальное строительство и энергетику. Притом меня ожидали такие условия, которых на ГПЗ-18 я не дождался бы даже спустя двадцать лет.

Услышав, что они включали улучшение жилищных условий и оклад на уровне директора фабрики объединения, я задумался прямо в ходе беседы. Леня был отличным инженером и тонким психологом. Он сказал, что с ответом не торопит, но не советует и затягивать, учитывая манию величия Лисицы. На следующий день я пошел выяснять очередность на жилье и прочие перспективы развития ГПЗ-18.

Сколько же домов понадобилось бы для работников завода, если, по прогнозам Пясты, на заключительной стадии персонал одного только шарикового цеха мог вырасти до 3000 человек! Но точных сроков выхода на полную мощность никто не знал, да и жилищное строительство здесь тоже велось очень медленно. Эти данные подсказывали, что заинтересованностью руководства ПШО пренебрегать действительно не стоило. Впрочем, не стоило сразу и соглашаться, чтобы не получить меньше обещанного. Чтобы не продешевить, я еще немного потянул время.

Глава 17. Возвращение на Володарку

Теплота, с которой коллеги встретили мое возвращение на фабрику, оказалась намного больше той, что я ожидал. Да и сам я не мог нарадоваться улыбкам, сиявшим в глазах всегда подкрашенных и благоухавших духами женщин, составлявших основу этого коллектива.

Не скрывал позитивной реакции и Лисица. В присутствии сотрудников он теперь называл меня только по имени-отчеству. Правда, месяца три спустя потребовал, чтобы я вступил в партию — с откровенным намеком на то, что к евреям, которых назначают на ответственные должности, предъявляются особые требования. Гендельман Лисицу поддержал, пошутив, что «на спине этот груз не носить».

В те времена на фабрику продолжали приезжать солидные гости из разных городов страны, чтобы своими глазами увидеть автоматизированную диспетчерскую систему. О ней писали в газетах и отраслевых журналах. Мы с Юрием Кучеренко подробно описали ее в солидной по объему брошюре, вплоть до представления принципиальных схем важнейших узлов. Гостей, как правило, принимал в своем кабинете сам генеральный директор. Для конкретного разговора он приглашал меня, представлял как наиболее компетентного специалиста в этой области и передавал мне группу для дальнейшего сопровождения.

Высокопоставленный работник одной из таких делегаций (из НИИ в Приуралье) связал меня со своим директором, чтобы пригласить на должность его заместителя по науке. Переговоры по телефону продолжались более трех недель и завершились предложением перейти к ним «на хороших условиях». И это при том, что я сразу честно предупредил: мое образование в области электроники не превышает уровня армейской школы младших специалистов по подготовке реактивных самолетов к полетам! От заманчивой затеи пришлось отказаться только потому, что Майя категорически возражала против смены климатической зоны — мы ведь только-только переехали в новую квартиру.

А в глазах Лисицы мой авторитет продолжал расти. Он не только не выезжал без меня в министерство или главк, когда его вызывали по вопросам капрестроительства и технического перевооружения, но еще и убедил коммунистов управления, что я должен возглавить парт-организацию. А на областной отчетно-выборной конференции членов Научно-технического общества (НТО) Лисица выдвинул мою кандидатуру на должность председателя областного правления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.